

Трибуна молодого ученого

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.12

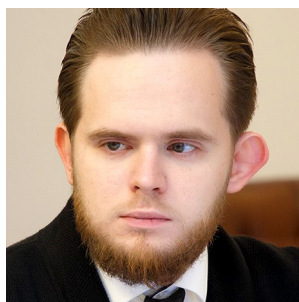
EDN: KFPBTV



Восприятие населением России противоречия между богатыми и бедными: динамика и факторы

Ссылка для цитирования: Дудин И. В. Восприятие населением России противоречия между богатыми и бедными: динамика и факторы // Вестник Института социологии. 2025. Том 16. № 3. С. 229–252. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.12; EDN: KFPBTV.

For citation: Dudin I. V. Perceptions of the Rich-Poor Contradiction by the Russian Population: Dynamics and Factors. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 229–252. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.12; EDN: KFPBTV.



**Дудин
Илья Васильевич^{1,2}**

¹НИУ «Высшая школа экономики», Москва, Россия;

²Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

dudiniv99@mail.ru

SPIN-код: 3798-0076

Аннотация. Противоречие между богатыми и бедными всегда являлось одним из наиболее болезненных для рядовых россиян, а их отношение к нему заметно влияло на уровень социальной напряженности в обществе и степень консолидированности общества. Учитывая значимость этой проблематики в условиях обострения внешних вызовов для нашей страны в последние годы, в статье на данных репрезентативных общероссийских исследований ИС ФНИСЦ РАН 2005, 2015 и 2024 гг. предпринята попытка показать, как менялось восприятие данного противоречия в последние десятилетия, а также какие именно факторы обуславливают болезненность его восприятия в современной России. В качестве основных методов исследования были использованы динамический и сравнительный анализ, а также различные версии корреляционного анализа. Показано, что популярность противоречия между богатыми и бедными за последние два десятилетия снизилась вдвое, и в 2024 г. оно стало третьим по упоминаемости. Двумя главными факторами, обостряющими его восприятие и действующими во взаимосвязи, выступают невозможность реализации желаемых стандартов повседневного бытия и ощущение несправедливости сложившихся в обществе «правил игры», порождающее ощущение бессилия и невозможности что-то самостоятельно изменить в своей жизни. При этом стандарты, о которых идет речь, достаточно скромны и относятся прежде всего к питанию, одежде и отдельным немонетарным сторонам жизни (возможности самому что-то в ней изменить, доступу к медицинской помощи и т. п.). Показано также, что именно субъективные (т. е. относящиеся к восприятию ситуации в обществе в целом и своего места в нем в частности), а не объективные характеристики человека имеют решающее значение для восприятия им противоречия между богатыми и бедными как одного из наиболее острых, влияя даже на электоральное поведение. Из объективных же факторов наибольшее значение имеют в порядке убывания значимости наличие в домохозяйстве хронических больных с ограниченной трудоспособностью, не

имеющих статуса инвалидов; принадлежность к низко- и неквалифицированным рабочим; низкий среднедушевой доход и пожилой возраст.

Ключевые слова: социальные противоречия, межгрупповые конфликты, межгрупповые противоречия, консолидация общества, социальная напряженность, массовое сознание, богатые и бедные

У каждого общества в зависимости от опыта его исторического развития есть свои особенности с характерными для него социальными противоречиями. Однако есть противоречие, которое в том или ином виде существует практически в любом обществе – неравенство экономических возможностей. Обычно его обозначают как противоречие между богатыми и бедными. Многие исследователи изучали влияние этого противоречия на социальные процессы, а также особенности его проявления в различных типах обществ. Привлекали их внимание и вопросы восприятия его людьми, и факторы, определяющие это восприятие, ведь одна и та же глубина неравенств может по-разному восприниматься не только в разных странах, но и в разных регионах одной страны. Особенно значимо понимание специфики восприятия этого противоречия в периоды усиления внешних вызовов, когда растет потребность в консолидации общества, для которой раскол по линии богатые/бедные представляет одну из наиболее значимых угроз.

Исходя из этого целью нашего исследования выступила оценка сравнительной роли различных факторов восприятия россиянами противоречия между богатыми и бедными и были поставлены следующие задачи:

1. Оценить место этого противоречия во взглядах россиян на наиболее острые противоречия российского общества и динамику его места.
2. Выделить на основе корреляционного и содержательного анализа объективные и субъективные факторы, способствующие острому восприятию противоречия между богатыми и бедными.
3. Оценить сравнительную значимость этих факторов, в т.ч. для выделяемых по различным основаниям полярных социальных групп.

Объектом исследования стало массовое сознание, а предметом – субъективные и объективные факторы, влияющие на восприятие россиянами рассматриваемого противоречия.

Методологические основания и методы исследования

Традиция изучения проблематики межгрупповых противоречий вообще, и, в частности, противоречий между богатыми и бедными насчитывает тысячелетия. Не уходя в историю вопроса, отметим, что для современных западных исследователей характерен интерес прежде всего

к глобальным формам проявления этого противоречия. Так, в исследованиях У. Бека содержится анализ разрыва между богатыми и бедными обществами. Автор выделяет страны, распределяющие богатства, и страны, распределяющие риски [2]. Э. и П. Даль Бё также обращают внимание на то, что противоречие между богатыми и бедными играет ключевую роль в формировании любых социальных конфликтов в современном мире на международном уровне, а не только на страновом [20].

С методологической точки зрения важно и то, что в последние десятилетия при анализе данного противоречия внимание обращается уже не столько на монетарные, сколько на немонетарные неравенства, связанные с различными видами рисков и деприваций. Поэтому противоречие между богатыми и бедными все чаще приобретает вид антитезы «благополучные vs неблагополучные». Тем не менее, исследования в классическом русле изучения монетарных неравенств и сейчас очень популярны. Одним из главных современных исследователей причин и видов монетарных неравенств, ведущих к поляризации бедности и богатства, является Т. Пикетти, сделавший в работе «Капитал в XXI в.» вывод, что неравенство в капитале всегда намного глубже, чем неравенство в труде [15]. При этом Т. Пикетти отрицал влияние «конфликта поколений» на ощущение противоположности богатства и бедности, о роли которого для восприятия межгрупповых противоречий вообще и этого в частности говорил М. Кастельс [8]. Дифференциация объемов собственности, по мнению Т. Пикетти, почти так же высока внутри каждой из возрастных групп, как и среди населения в целом. Иными словами, «война поколений» не приходит на смену классовой войне. При этом накопленный капитал воспроизводит сам себя быстрее, чем увеличиваются производство и зарплаты. Это ведет к усилению господства богатых над теми, кто владеет лишь своей рабочей силой, и с каждым поколением, при передаче богатства по наследству, эта тенденция усиливается. Так «прошлое пожирает будущее» [15, с. 666].

Если же говорить о роли для восприятия противоречия между богатыми и бедными уровня индивидуального дохода, то необходимо вспомнить Р. Истерлина, обнаружившего в ходе крупного межстранового исследования, что этот показатель имеет значение для ощущения собственного благополучия лишь до определенного момента, после чего относительно большее значение приобретает его субъективное восприятие [22]. Это явление получило название «Парадокс Истерлина». В развитие этой линии анализа Е. Динер и Р. Бисвас-Динер обнаружили, что экономический рост и увеличение индивидуальных доходов в развитых странах не сопровождаются ростом субъективного благополучия [21]¹. Обращал Р. Истерлин внимание и на связь восприятия любых социальных явлений с индивидуальным здоровьем [23].

Нельзя не упомянуть в этом контексте и о важности для восприятия противоречия между богатыми и бедными индивидуальной социальной мобильности и «туннельного эффекта», описанного А. Хиршманом [24]. Его

¹ Эту же закономерность на российских данных фиксировали отечественные исследователи [3; 18].

смысл сводится к тому, что вероятность восходящей социальной мобильности, которую человек наблюдает на примере своего окружения, повышает его толерантность к любым проявлениям социальных неравенств.

Таким образом, с методологической точки зрения при анализе восприятия данного противоречия надо учитывать не только степень благосостояния населения, которая должна быть в стране при определенном уровне ее экономического развития, но и глубину существующих в ней неравенств, их причины и специфику доходного распределения. Как уже было показано российскими исследователями [9; 10; 12; 13], для России в этом плане характерно неглубокое социальное неравенство в массовых слоях населения¹. При этом зафиксирован очень большой отрыв «верхушки» общества² от его остальной части, сравнительно невысокие при уровне экономического развития страны зарплаты и пенсии³, а также нелегитимность сложившейся модели доходных неравенств в общественном сознании [11].

Таким образом, с точки зрения факторов, определяющих восприятие противоречия между богатыми и бедными, в литературе представлен довольно большой спектр мнений. В их числе возраст, субъективное материальное благополучие, различные немонетарные характеристики жизни, здоровье, вектор социальной мобильности и т. д. Все это мы постарались учесть при выработке методологии нашего исследования.

Если же говорить о ситуации с восприятием противоречия между богатыми и бедными в России, то в основном отношение к социально-экономическим неравенствам связывается исследователями с ролью для него объективного и субъективного благополучия, включая возможность самостоятельно справиться со своими проблемами. Немаловажными, по мнению исследователей [9; 11; 12], являются соответствие доходов уровню запросов, «справедливость» их уровня или же роль для последнего

¹ Эта особенность системы распределения доходов сохраняются в нашей стране и сейчас. Так, по данным ФСГС РФ, децильный коэффициент составлял в 2023 г. всего 7,0 (при том, что в 2013 г. он был 7,3) (ФСГС РФ. Официальный сайт. Табл. Децильный коэффициент (соотношение минимальных доходов 10% наиболее обеспеченного населения и максимальных доходов 10% наименее обеспеченного населения). URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 02.06.2025)).

² Эта «верхушка» традиционно немногочисленна, а в последние годы даже сокращается. Так, хотя число миллиардеров в России увеличилось в 2024 г. на 28 человек и достигло 146 человек (URL: <https://www.forbes.ru/milliardery/510650-125-milliardero-rossii-rejting-forbes-2024> (дата обращения: 02.06.2025)), но число численность долларовых миллионеров сократилась на четверть и составила всего 68,4 тыс. (URL: <https://www.rbc.ru/economics/30/01/2024/65b8ce659a79477ea2627f2c> (дата обращения: 02.06.2025)).

³ Так, хотя среднемесячная заработная плата составляла, например, в 1 квартале 2023 г. 74854 руб. (ФСГС РФ. Официальный сайт. Табл. Среднемесячная номинальная численная заработная плата работников по полному кругу организаций в целом по экономике Российской Федерации в 1991–2025 гг. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13723> (дата обращения: 02.06.2025)), но при этом практически половина работающих получала зарплату менее 50 тыс. рублей (ФСГС РФ. Официальный сайт. Табл. Средняя заработная плата по 10-процентным группам работников организаций (без субъектов малого предпринимательства). URL: https://rosstat.gov.ru/labour_costs (дата обращения: 02.06.2025)). Что же касается страховых пенсий по старости, то их средний размер у неработающих пенсионеров составил в 1 квартале 2025 г. 24 059,12 руб. (URL: <https://www.rbc.ru/quote/news/article/66b60ba29a7947be30eacb18> (дата обращения: 02.06.2025)).

социальной мобильности, поскольку поднявшиеся по «социальной лестнице» легче относятся к существующему неравенству, чем «сползающие» по ней вниз [5]. Однако, как правило, речь при этом идет о восприятии неравенств в целом, а не об отношении к противоречию между богатыми и бедными, которое в нашей стране практически не становилось в последние десятилетия предметом изучения. К числу немногих исключений можно отнести лишь отдельные работы [1; 6; 7; 8; 12], в которых рассматривалась специфика восприятия межгрупповых противоречий (в том числе и этого) разными группами россиян и динамика отношения к ним, а также была дана их типологизация. Возможно, это связано с тем, что линия социального напряжения, показанная еще в начале 2000-х гг., проявляется в России не столько в антагонизме «бедности и богатства», сколько в плоскости нелегитимности, «неправедности» богатства [17].

Такое восприятие отчасти оправдано. Несмотря на способствовавший смягчению остроты ощущения противоречия между богатыми и бедными, рост уровня жизни в России до 70–75% к 2010-м гг. (при 60–65% в 1990-х гг.) от средних западноевропейских значений, он был сильно дифференцирован по группам и формировался преимущественно за счет роста доходов верхних 10% (и особенно верхнего 1%) населения [25]. Причем, как предположил Т. Пикетти с коллегами, глубочайшее неравенство между «верхушкой» общества и его массовыми слоями кажется россиянам хоть сколько-то приемлемым, если олигархи в целом лояльны к российскому государству и национальным интересам [25]. На крайнюю неравномерность распределения совокупного роста доходов и ее нелегитимность в глазах россиян обращали внимание и другие авторы [12; 13; 16]. Придерживающиеся этой же точки зрения И. И. Корчагина и Л. М. Прокофьева выделяют также особую важность для восприятия социально-экономических неравенств таких факторов, как состояние здоровья и доступ к качественной медицинской помощи или доступность хорошего образования [9].

При выработке методологических подходов к нашему исследованию особую роль сыграло понимание необходимости использовать максимально полный список не только особенностей благосостояния человека в его объективной и субъективной формах или такие характеристики как возраст, состояние здоровья, вектор индивидуальной социальной мобильности и т. п., но и широкий спектр особенностей мировоззрения человека и его оценок происходящего в стране. Методически это означало необходимость анализа связей этого отношения со многими десятками переменных. Оптимальным для решения этой задачи является корреляционный анализ, причем для надежности полученных выводов были использованы разные его виды. Другими методами исследования послужили динамический и сравнительный анализ. Использовался также анализ таблиц сопряженности признаков со скорректированными стандартизированными остатками в программе SPSS Statistics.

Эмпирической базой исследования стали данные Мониторинга Института социологии ФНИСЦ РАН. Использовались данные опросов, проходивших в октябре 2015 г. ($n = 4000$) и апреле 2024 г. ($n = 2000$), состав-

ленных по общероссийской квотной выборке, репрезентирующей население страны от 18 лет и старше. На первой ступени формирования выборки районирование осуществляется по федеральным округам. Вторая ступень предполагает выделение в составе каждого федерального округа типичных для него субъектов РФ. На третьей ступени внутри субъектов РФ на основе статистических данных рассчитываются квоты по типам поселений. На четвертой ступени, также на основе данных ФСГС РФ, определяются квоты по полу и возрасту. Наряду с данными Мониторинга использовались также данные исследования Института социологии РАН «Собственность в жизни россиян: домыслы и реальность», проходившего в апреле 2005 г. ($n = 1750$). Выборка в этом исследовании строилась по тем же принципам, но вместо федеральных округов на первой ступени брались территориально-экономические районы в соответствии с районированием ФСГС РФ. Подробнее о выборках этих исследований см. [16].

Выделение соответствующих временных точек для исследования обуславливалось наличием необходимого для анализа эмпирического материала, а также стремлением использовать сопоставимые временные отрезки и рассмотреть восприятие противоречия между богатыми и бедными в разных условиях. Напомним, что весна 2005 г. являлась относительно спокойным периодом с точки зрения экономической ситуации, но для нее были характерны протесты против проведенной с 1 января 2005 г. монетизации льгот. Осень 2015 г. – период тяжелого экономического кризиса, вызванного западными рестрикциями против России в связи с украинскими событиями и присоединением Крыма. Весна 2024 г. – период СВО и беспрецедентной конфронтации России с НАТО и вообще Западом.

Восприятие россиянами остроты противоречия между богатыми и бедными и его динамика в 2005–2024 гг.

Оценить восприятие россиянами остроты противоречия между богатыми и бедными можно на фоне их оценок остальных межгрупповых противоречий в российском социуме при анализе ответов на вопрос: «Между какими группами российского общества существуют сегодня наиболее острые противоречия?»¹. Как видно на рис. 1, данное противоречие в 2024 г. называлось как одно из наиболее острых примерно каждым четвертым респондентом и заняло третье место по упоминаемости. Самым же острым, по мнению россиян, оказалось противоречие между сторонниками и противниками политики России в отношении Украины.

¹ При ответе на данный вопрос можно было выбрать до 3 вариантов ответа или же вариант «никаких острых противоречий нет».

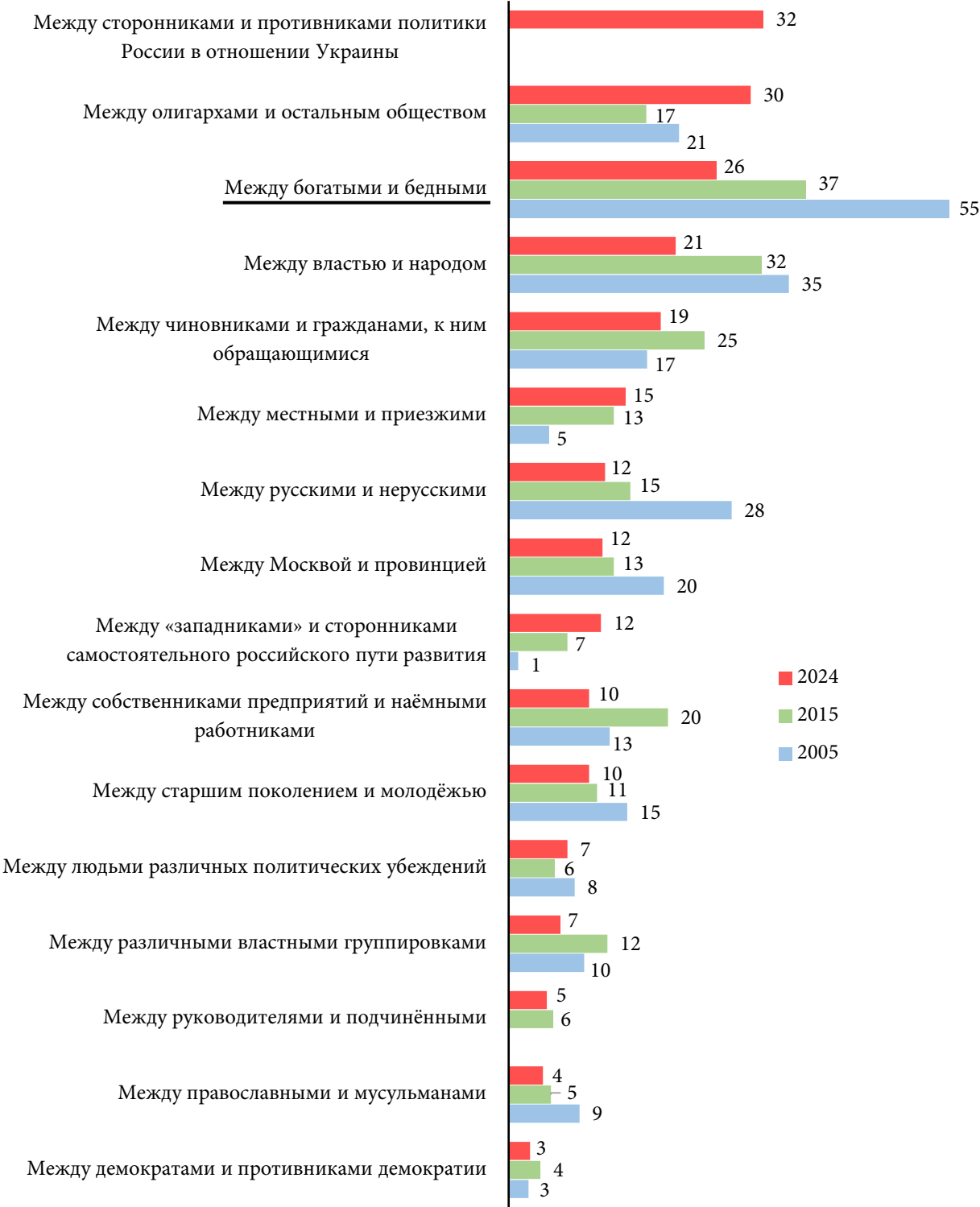


Рис. 1. Динамика ответов россиян на вопрос:
«Между какими группами российского общества
сегодня существуют наиболее острые противоречия?», 2005–2024 гг.,
% (отранжировано по данным 2024 г.)

Figure 1. Dynamics of Russians’ answers to the question
“Between which groups in Russian society today are there the most acute contradictions?
Between which groups of Russian society today are there the most acute contradictions?”,
2005–2024, % (ranked by 2024 data)

Вторым по упоминаемости стало противоречие между олигархами и остальным обществом, приобретшее в условиях СВО иной смысл, чем ранее. Вспомним в этой связи упоминавшееся выше предположение Т. Пикетти и его коллег о том, что огромный отрыв олигархов от остального общества кажется приемлемым для большинства россиян, пока олигархи лояльны к национальным интересам [25]. Однако после начала СВО, в связи с рестрикциями со стороны стран Запада, часть экономической элиты заняла по крайней мере противоречивую позицию по отношению к государственной политике, что способствовало актуализации противоречия между ними и остальным обществом. Таким образом, с началом СВО разрыв между олигархами и основной массой населения стал иметь уже не только экономическую, но и идеологическую основу. При этом противоречие между богатыми и бедными, напротив, потеряло в популярности за последние два десятилетия вдвое, что можно связать со смещением фокуса общественного внимания на противоречия идеологического характера и патриотической позицией многих представителей состоятельных слоев.

Важно отметить, что блок противоречий экономического характера¹, включавший противоречия между богатыми и бедными, олигархами и остальным обществом, Москвой и провинцией, а также собственниками предприятий и наемными работниками, традиционно является самым важным для россиян: более половины опрошенных в 2024 г. определяли хотя бы одно экономическое противоречие как острое. В то же время отчетливо прослеживается снижение остроты этой группы противоречий под влиянием консолидации российского общества в условиях внешних угроз (рис. 2) и улучшения материального положения значительной части массовых слоев населения с середины 2000-х гг. Конечно, может показаться, что на ослабление болезненности восприятия экономических противоречий влияет в том числе постепенная смена поколений и, соответственно, ослабевающий уровень влияния советской идеологии. Однако даже представители старших поколений не демонстрируют отклонений от общих тенденций в этом отношении. Значит дело не в этом, а, как будет показано далее, в характерных для России представлениях о справедливости. Что же касается противоречий политико-административного² и социокультурного³ характера, то их восприятие тоже заметно потеряло свою остроту с 2005 г., хотя они все еще беспокоят значительную часть россиян.

Если говорить о социальных группах, воспринимающих противоречие между богатыми и бедными острее остальных, то в 2005 г. выделялись три таких группы. Первая – жители сел, которые упоминали его в числе трех наиболее острых в 64,6% случаев. Вторая – россияне, которые на тот момент не были заняты в экономике, и прежде всего неработающие пенсионеры (63,6%). Третья – оценивающие свое материальное благопо-

¹ Более подробно о классификации противоречий см. [6].

² Т. е. противоречий между властью и народом, между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися, между различными властными группировками.

³ Т. е. противоречий между местными и приезжими, между русскими и нерусскими, между православными и мусульманами.

лучие как плохое (59%). Однако к 2015 г. все эти группы стали воспринимать данное противоречие заметно спокойнее. Доля жителей сел, упомянувших его в числе трех наиболее острых, снизилась примерно на 30 п. п. (до 34,8%). У неработающих пенсионеров этот показатель упал до 36,9%, у субъективно неблагополучных он уменьшился до 43%. Причинами этого стали начавшаяся после «Крымской весны» консолидация российского общества, а также рост пенсий и постепенное улучшение условий жизни в селах за счет активного развития российского агросектора.

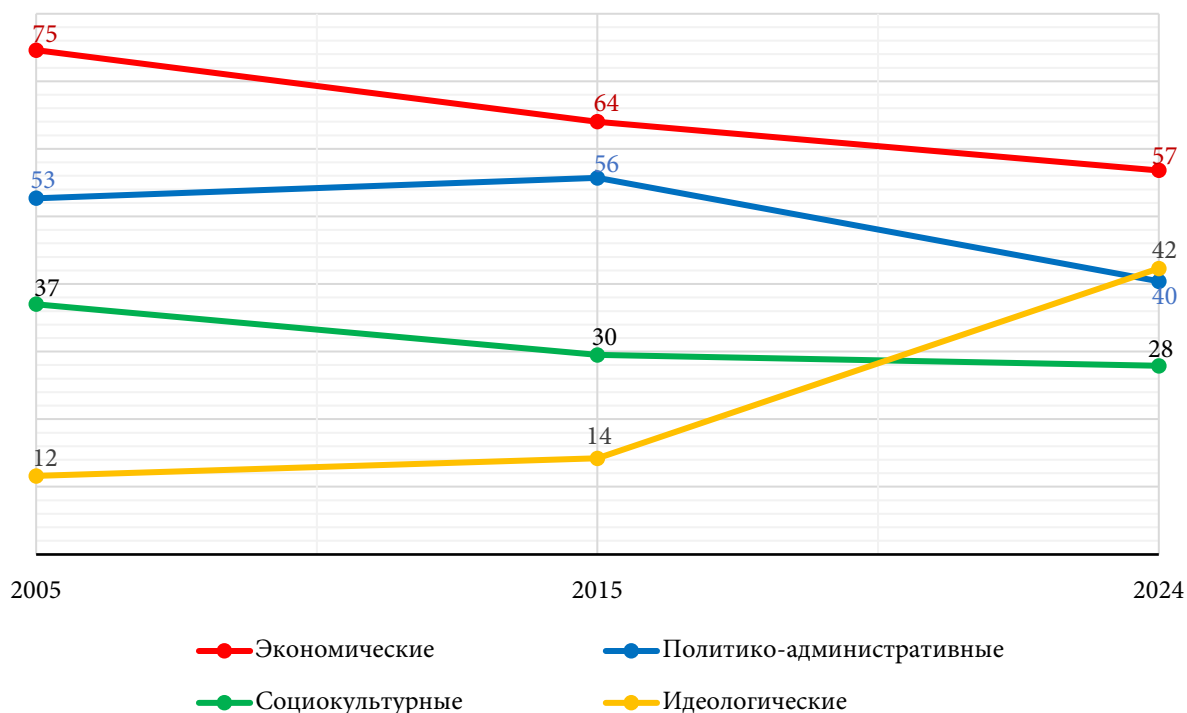


Рис. 2. Динамика доли выбиравших хотя бы одно противоречие в каждой из четырех рассматриваемых их групп, 2005–2024 гг., %

Figure 2. Dynamics of the share of those who chose at least one contradiction in each of the four groups under consideration, 2005–2024, %

Эта тенденция продолжилась и позже. Внимание жителей сел и неработающих пенсионеров к противоречию между богатыми и бедными снизилось к 2024 г. почти до средних по стране значений (26,1%). Сохранили свой интерес к нему и в условиях СВО субъективно неблагополучные – 38,4% выбора в 2024 г., хотя это все же на 4,5 п.п. меньше, чем в 2015 г., и на 20,6 п.п. – чем в 2005 г. В целом же восприятие массовыми слоями населения рассматриваемого противоречия в 2024 г. характеризовалось достаточно единодушным отношением к нему различных социальных групп. Таким образом, восприятие противоречия между богатыми и бедными в 2024 г. стало в сравнении с 2005 и 2015 гг. более спокойным и гомогенным, хотя оно по-прежнему входит, по мнению россиян, в тройку самых острых.

Какие же факторы влияют на остроту восприятия противоречия между богатыми и бедными на фоне консолидации общества?

Основные факторы восприятия остроты противоречия между богатыми и бедными

Сравнительный анализ факторов восприятия противоречия между богатыми и бедными проводился нами несколькими методами. Прежде всего, учитывая большое количество детерминант, упоминающихся в литературе и неоднозначность вопроса их операционализации, был проведен анализ взаимосвязей всех переменных массива (общим число около 600) с упоминанием противоречия в числе наиболее острых для современного российского общества с помощью алгоритма Chaid¹. На основе его результатов и выявления примерно 10% переменных массива, имевших наиболее сильные статистически значимые связи с отношением респондентов к остроте рассматриваемого противоречия, применительно к этим переменным и отношением их к рассматриваемому противоречию были рассчитаны коэффициенты корреляции Спирмена. Также проводилось сравнение доли выбиравших соответствующее противоречие в полярных группах, выделенных по разным основаниям, в таблицах сопряженности. В целом этот анализ включил все характеристики, упоминавшиеся зарубежными и отечественными исследователями в связи с отношением населения к межгрупповым противоречиям вообще и рассматриваемым противоречиям в частности. При этом ряд из них оказался конкретизирован, а их общий список был расширен.

Согласно Chaid, наиболее значимым фактором болезненности восприятия этого противоречия является регион проживания, причем этот фактор не коррелирует ни с коэффициентом фондов, ни с коэффициентом Джини для соответствующих регионов по официальной статистике. В большей степени особенности его восприятия замыкаются, видимо, на специфику нормативно-ценностных систем их жителей. Однако углубленный анализ по региональному срезу нами не проводился в силу ограниченности численности выборки по каждому региону в отдельности.

Стало понятно также, что восприятие противоречия между богатыми и бедными слабо связано с политическими взглядами респондентов. Так, если человека волнует противоречие между богатыми и бедными, то его интерес к противоречиям политического характера или же к конфликтам России и странами «коллективного» Запада резко падает. Видимо, текущие материальные сложности отодвигают блок идеологических проблем в их сознании на периферию.

Что же касается других факторов болезненного восприятия противоречия между богатыми и бедными, то согласно Chaid выделились две основных их группы. Во-первых, некоторые мировоззренческие особенности остро воспринимающих данное противоречие, в частности **негативное восприятие ими динамики развития социально-экономической сферы**

¹ Алгоритм Chaid (Chi-square automatic interaction detection) используется для анализа статистической взаимосвязи переменных по показателям хи-квадрата. Он используется как рабочий инструмент для поиска взаимосвязи между большим числом переменных или построения деревьев классификации. Мы использовали первую из этих функций.

страны (убежденность в ухудшении ситуации в пенсионном обеспечении, уровне жизни населения, в сферах социальной справедливости и морали, ситуации в экономике и с коррупцией) за последние 10 лет.

К этой же группе факторов относятся и такие особенности представителей данной группы: чувство, что так дальше жить нельзя и ощущение несправедливости всего происходящего. Не случайно для упоминавших противоречие между богатыми и бедными в числе трех наиболее острых для современной России было характерно голосование на выборах Президента РФ в марте 2024 г. за выдвиженца КПРФ Н. М. Харитонов. Во-вторых, это характеристики, свидетельствующие о ярко выраженном **недовольстве своим положением** (как в целом, так и в отношении управляемости собственной жизнью, возможностей удовлетворения потребностей в питании, одежде, доступе к качественной медицинской помощи, в личной безопасности и т. п.).

Особо следует отметить также такую тесно связанную с остротой восприятия противоречия между богатыми и бедными характеристику жизни, как наличие в их домохозяйствах **хронических больных с ограничениями в трудоспособности**, но без инвалидности 1 или 2 групп. Их наличие в домохозяйствах заметно увеличивает расходы последних, что связано не только с ростом иждивенческой нагрузки или ограничениями для эффективной занятости остальных членов, но и со специфическими и не компенсируемыми за счет пенсии по инвалидности расходами на лекарства, уход и т. д.

Следующим шагом нашего анализа стала дополнительная проверка сравнительной значимости переменных, наиболее тесно связанных с восприятием противоречия между богатыми и бедными как острого, с помощью расчета коэффициентов корреляции Спирмена. В табл. 1 приведены значения этого коэффициента для 25 характеристик респондентов, которые при применении этого метода оказались наиболее значимыми и могли рассматриваться как факторы, влияющие на остроту восприятия рассматриваемого противоречия. Подчеркнем, что лидеры полученного списка и рейтинга, составленного при использовании алгоритма Chaid, практически совпадали, хотя порядок их разнился.

Как видно из таблицы 1, 19 из 25 сильнее всего коррелирующих с отношением к остроте восприятия противоречия между богатыми и бедными характеристик – это показатели, непосредственно относящиеся к месту индивидов в социально-экономических неравенствах; и в совокупности они довольно полно описывают восприятие ими своей жизни. Однако считать, что к болезненности восприятия этого противоречия ведет только неудовлетворенность собственной жизнью, тоже было бы преувеличением. Обычно недовольство ею срабатывает как механизм запуска восприятия противоречия между богатыми и бедными как острого лишь при связывании собственного плохого положения с несправедливостью устройства российского общества и ухудшении ситуации в нем по ряду параметров, относящихся к социальной сфере. Не случайно те, кто считал, что причиной бедности их личных знакомых была недостаточность социальных

пособий, называли противоречие между богатыми и бедными в числе наиболее острых для современного российского общества вдвое чаще. В этом контексте становится понятнее и роль проблем со здоровьем как катализатора превращения недовольства своим положением в недовольство моделью социального неравенства, характерного сегодня для страны. Плохое здоровье, а особенно наличие в семье не получивших инвалидности тяжелых больных, не просто стимулирует ухудшение психологического состояния и рост общего недовольства «всеми на свете», но учитывая неизбежное ухудшение в этом случае уровня жизни семьи, стимулирует усиление чувства несправедливости сложившихся в обществе «правил игры».

Таблица 1 (Table 1)

Показатели коэффициента корреляции Спирмена для переменных, продемонстрировавших наиболее сильную связь с восприятием остроты противоречия между богатыми и бедными, 2024 г.¹
(отранжировано по показателям коэффициента корреляции Спирмена)
Spearman correlation coefficient values for variables that showed the strongest association with the perception of the severity of the rich-poor divide, 2024 (sorted by Spearman correlation coefficient)

Переменные	Коэффициент корреляции Спирмена ²
Оценки изменений в пенсионном обеспечении в России за последние 10 лет	0,160**
Оценки изменений в уровне жизни населения в России за последние 10 лет	0,159**
Оценки своего материального положения	0,152**
Оценки своей жизни в целом	0,148**
Как часто испытывали ощущение, что так дальше жить нельзя	0,136**
Оценки своего питания	0,136**
Оценки своей возможности побывать в разных странах мира	0,135**
В домохозяйстве есть хронические больные с ограничениями трудоспособности, не являющиеся инвалидами 1 или 2 групп	0,131**
Плохое материальное положение как значимая проблема в последний год	0,131**
Оценки возможности влиять на то, как складывается их жизнь	0,126**
Оценки своей одежды	0,126**

¹ Показатели, относящиеся к разным смысловым группам, выделены здесь и в табл. 2, разным фоном. Желтым – показатели, относящиеся к динамике ситуации в стране и связанным с ней чувствами; голубым – оценки материального положения, его динамики и других связанных с местом в системе социально-экономических неравенств сторон жизни, включая оценки своей жизни в целом; розовым – характеристики здоровья самого респондента и членов его домохозяйства; зеленым – традиционные основания для выделения социальных групп; оранжевым – приводимые справочно особенности их идеологических воззрений и электоральных предпочтений. Курсивом здесь и в табл. 2 выделены характеристики, имеющие объективный, а не субъективно-оценочный характер.

² Учитывая многообразие этих факторов и огромное количество вариантов их комбинирования не удивительно, что показатели коэффициента корреляции Спирмена для каждого из них в отдельности были не очень высоки.

Продолжение таблицы 1

Переменные	Коэффициент корреляции Спирмена ²
Оценки перспектив изменения своего материального положения на ближайший год	0,125**
Считают, что неравенств, которые были бы значимы лично для них, нет	-0,122**
Считают, что живут нормально и не сталкивались за последний год ни с какими серьезными проблемами	-0,119**
Оценки динамики своего материального положения за прошедший год	0,119**
Оценки своих возможностей получения качественной медицинской помощи	0,114**
Оценки своих возможностей проведения досуга	0,114**
Как часто испытывали ощущение несправедливости всего происходящего вокруг	0,113**
Оценки изменений с социальной справедливостью в России за последние 10 лет	0,106**
Отсутствие в собственности домохозяйства автомобиля	0,106**
Оценки своих жилищных условий	0,105**
Оценки своих возможностей получения необходимого образования, знаний	0,102**
Оценки возможностей самореализации в профессии	0,099**
Оценки своего положения, статуса в обществе	0,091**
Оценки состояния своего здоровья	0,090**
Справочно	
Оценки остроты противоречий между сторонниками и противниками СВО на Украине	-0,104**
Возраст	0,073**
Профессиональный статус	0,064**
Среднедушевые доходы в семье относительно поселенческой медианы доходов	0,058*

Примечания. **Корреляция значима на уровне 0,01 (двусторонняя). *Корреляция значима на уровне 0,05 (двусторонняя).

Таким образом, в основе восприятия остроты противоречия между богатыми и бедными лежат обычно два фактора, которые в нашем массиве операционализировались через десятки переменных: 1) неудовлетворенность своей жизнью в тех ее аспектах, которые обуславливаются местом в системе социально-экономических неравенств; 2) ощущение не просто несправедливости «правил игры», обуславливающих степень благополучия граждан страны вообще и их лично в частности, но даже негативной динамики в этой сфере. При этом есть факторы, усиливающие вероятность сочетания этих двух групп факторов. Это объективные обстоятельства, осложняющие положение человека, главным среди которых является наличие не получающих государственной поддержки хронических больных с ограничениями трудоспособности в домохозяйстве, в то время как сам по себе уровень доходов без привязки к его при-

чинам или к специфике расходов оказался гораздо менее значим. Роль последнего во многом связана, видимо, с легитимностью в глазах человека причин, ведущих к значительному расхождению его доходов и запросов при невозможности что-то изменить в сложившейся ситуации своими силами. Не случайно оценки возможностей самому влиять на то, как складывается жизнь, оказались в топ-10 по силе связей с восприятием противоречия между богатыми и бедными. Такого рода умонастроения стимулируют снижение интереса к политической повестке дня, однако из них не вытекают ни протестные настроения, ни негативизм по отношению к реализуемому руководством страны курсу – лишь каждый четвертый среди говоривших об остроте рассматриваемого противоречия считал, что нынешний курс ведет страну в тупик (при 21,9% в среднем).

Особенности восприятия противоречия между богатыми и бедными в полярных социальных группах

Следующим шагом нашего анализа стала попытка понять, как работают эти закономерности в «абсолютных цифрах» применительно к разным полярным по разным основаниям группам. Результаты этого анализа, проведенного по отношению к тем 60 переменным, наибольшая значимость которых была установлена при анализе с помощью алгоритма Chaid, сведены в таблице 2.

Таблица 2 (Table 2)

Упоминаемость противоречия между богатыми и бедными в числе трех наиболее острых для современного российского общества в полярных группах, выделенных по разным основаниям, 2024 г., %¹
(ранжировано по показателям разрыва между полярными группами)
*The contradiction between the rich and the poor is one of the three most pressing issues in modern Russian society in groups selected on different grounds, 2024, %
(sorted by the gap between the polar groups)*

Группы, различающиеся отдельными характеристиками жизни и взглядов ²	В группах с плохими оценками	В группах с хорошими оценками	Разрыв, раз
Считают, что пенсионное обеспечение за последние 10 лет в России ухудшилось (улучшилось)	34,5	12,1	2,85
Считают, что уровень жизни населения за последние 10 лет в России ухудшился (улучшился)	33,1	12,1	2,74

¹ Приведены только статистически значимые согласно критерию Хи-квадрат ($\alpha < 0,01$) показатели. Жирным шрифтом выделены показатели, разница между которыми для полярных групп являлась по меньшей мере двукратной.

² В скобках указаны признаки для выделения альтернативной группы. В таблицу вошли только такие основания для выделения групп, при использовании которых максимальный показатель выбора рассматриваемого противоречия превосходил средний по массиву не менее чем на 3 п. п., а разрыв в показателях полярных групп составлял не менее 1,5 раз.

Продолжение таблицы 2

Группы, различающиеся отдельными характеристиками жизни и взглядов ²	В группах с плохими оценками	В группах с хорошими оценками	Разрыв, раз
Плохие оценки своего материального положения (оценили свое материальное положение как хорошее)	38,4	16,4	2,34
Плохие оценки своего питания (хорошие его оценки)	41,4	19,4	2,13
Плохие оценки возможностей влияния на свою жизнь (хорошие их оценки)	32,1	15,4	2,08
Плохие оценки своих возможностей получения качественной медицинской помощи (хорошие их оценки)	31,5	15,5	2,03
<i>Рабочие, имеющие не выше 2 разряда и без разряда (предприниматели и руководители)</i>	33,7	15,8	1,98
Плохие оценки своих возможностей одеваться (хорошие их оценки)	37,1	18,9	1,96
<i>В семье есть хронические больные с ограниченной трудоспособностью, не являющиеся инвалидами (в семье нет представителей этой группы)</i>	47,7	25,1	1,90
Плохие оценки возможностей получения необходимого образования и знаний (хорошие их оценки)	33,5	18,1	1,85
Считают, что их материальное положение в ближайший год ухудшится (улучшится)	34,7	19,0	1,83
Оценки динамики своего материального положения за прошедший год	32,3	18,3	1,77
Считают, что ситуация с социальной справедливостью в России за последние 10 лет ухудшилась (улучшилась)	32,5	18,5	1,76
Есть значимые лично для них неравенства социально-экономического характера (таких неравенств нет)	29,1	16,6	1,75
Часто испытывали ощущение, что так дальше жить нельзя (практически никогда его не испытывали)	33,3	19,4	1,72
Часто испытывали ощущение несправедливости всего происходящего вокруг (практически никогда его не испытывали)	32,6	19,0	1,72
Плохие оценки возможностей самореализации в профессии (хорошие их оценки)	32,7	19,5	1,67
Плохие оценки возможностей проведения досуга (хорошие их оценки)	33,1	19,9	1,66
Сталкивались за последний год с серьезными проблемами (считают, что живут нормально и не сталкивались с ними)	29,3	17,7	1,66
Плохие оценки состояния своего здоровья (хорошие его оценки)	34,6	21,1	1,64
Плохие оценки своего положения, статуса в обществе (хорошие его оценки)	32,9	20,2	1,63

Окончание таблицы 2

Группы, различающиеся отдельными характеристиками жизни и взглядов ²	В группах с плохими оценками	В группах с хорошими оценками	Разрыв, раз
Плохое материальное положение входит в число наиболее значимых проблем за последний год (не считают это значимой для себя проблемой)	37,4	23,1	1,62
Считают, что никогда не смогут побывать в разных странах мира (уже побывали)	32,8	20,7	1,58
Считают, что ситуация с коррупцией за последние 10 лет в России ухудшилась (улучшилась)	30,7	19,9	1,54
Справочно			
Включают противоречия между сторонниками и противниками политики России в отношении Украины в число наиболее острых (не включают)	37,2	15,2	2,45
На выборах Президента страны в марте 2024 г. отдали голос за Н. М. Харитонову (за В. А. Даванкова)	50,6	21,8	2,32
Старше 65 лет (до 25 лет)	29,6	18,8	1,57
Среднедушевой доход в семье менее 1,5 прожиточных минимумов для региона	31,2	20,0	1,56

Однако данная таблица включает только 25 продемонстрировавших наибольшую глубину разрыва между полярными группами характеристик респондентов, назвавших противоречие между богатыми и бедными в числе наиболее острых. Смысл этого анализа не совпадает с проверкой силы корреляционных связей между переменными, часть из которых представляла собой шкалы (например, возраст) или широкий набор групп (профессиональный статус), а не альтернативные пары. Поэтому вошедшие в табл. 2 переменные не полностью совпадают с представленными в табл. 1.

Выводы из данных в таблицы 2 многоплановы. **Первое**, что бросается в глаза, это гораздо бо́льшая значимость субъективного восприятия, а не объективных характеристик реальности для восприятия противоречия между богатыми и бедными как острого. Так, подавляющее большинство переменных, наиболее тесно коррелирующих с отношением к этому противоречию, являются субъективными оценками.

Второе – ярко выраженных особенностей у называющих противоречие между богатыми и бедными оказалось не так уж много. И хотя статистически значимые связи прослеживались с десятками переменных, только один признак, причем заведомо не являющийся фактором восприятия противоречия между богатыми и бедными как острого (электоральное предпочтение на выборах Президента РФ в марте 2024 г.), сочетался с выбором этой позиции большинством данной группы. Даже двукратные разрывы в числе упоминавших его в полярных по разным основаниям группах без качественной их разницы относительно редки и относятся лишь к восьми из десятков рассмотренных характеристик.

Третье — на первое место среди всех объективных характеристик респондентов по своему влиянию на восприятие рассматриваемого противоречия вышла принадлежность к полярным профессиональным группам. Учитывая массовость неквалифицированных рабочих¹ и их негативные настроения в отношении социально-экономической динамики развития страны, это означает, что именно эта группа, а не жители сел, как было 20 лет назад, является сейчас основной питательной средой для формирования болезненного отношения к противоречию между богатыми и бедными. При этом самая большая (почти 48%) доля оценивающих его как острое, это те, у кого есть тяжело больные члены семьи, не получившие при этом инвалидность.

Четвертое. В контексте значимости состояния здоровья для отношения к противоречию между богатыми и бедными стоит упомянуть, что плохие оценки состояния собственного здоровья также оказываются значимым фактором, влияющим на восприятие этого противоречия. Что подтверждается, применительно к условиям России, выводами Р. Истерлина и других ученых о влиянии состояния здоровья на восприятие собственного благополучия и, как следствие, на восприятие социальных неравенств [9; 23]. Отчасти это связано с тем, что плохое состояние здоровья снижает уровень доходов (около 45% дающих своему здоровью такую характеристику имели среднедушевые доходы в домохозяйстве не более 0,75 медианы доходного распределения в их типах поселений и столько же характеризовали свое материальное положение как плохое; это в 1,5–2 раза больше, чем по массиву в целом). Однако только этим объяснить влияние фактора здоровья нельзя. Скорее можно говорить об обострении при плохом здоровье ощущения несправедливости жизни, поскольку это обычно не зависящий от самого индивида фактор.

Пятое, если продолжить рассмотрение сравнительной значимости разных детерминант, в наибольшей степени повышающих долю считающих противоречие между богатыми и бедными острым, то на втором месте в тройке лидеров после наличия в семье тяжелых хронических больных с ограниченной трудоспособностью, не имеющих инвалидности, оказалась оценка своего питания как плохого. Группа с такими оценками традиционно сравнительно немногочисленна (в апреле 2024 г. она составляла 5%), но нахождение в ней повышает упоминаемость противоречия между богатыми и бедными более чем до 40%. Немного уступала ей и оказавшаяся на третьем месте оценка своего материального положения как плохого, характерная для каждого шестого россиянина (16,8%). С ней соседствует восприятие своего плохого материального положения как серьезной и значимой для себя проблемы (20,5%). Обе эти оценки приводили к росту вероятности упоминания противоречия между богатыми и бедными в числе наиболее острых почти до 38%. При этом такая объективная характеристика жизни респондентов как низкий среднедушевой доход в семье оказалась гораздо менее значимой.

¹ Численность этой группы составляет почти 8% всего занятого населения и превышает 5,5 млн человек (ФСГС РФ. Официальный сайт. Труд и занятость в России. 2023. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13210> (дата обращения: 02.06.2025)).

Шестое – данные, представленные в табл. 2 демонстрируют, что ключевыми для восприятия остроты противоречия между богатыми и бедными являются разные группы характеристик, объединяющиеся в два фактора: 1) ощущение не просто несправедливости сложившегося в российском обществе и обуславливающего степень благополучия его членов «правил игры», но и негативной динамики в этой сфере; 2) неудовлетворенность своей жизнью, связанной с местом в системе социально-экономических неравенств. Для первого из них, как и в случае с показателями коэффициента корреляции Спирмена, наиболее важным оказалось видение вектора динамики в сферах пенсионного обеспечения и уровня жизни населения, а для второго – плохие оценки своего материального положения и возможностей удовлетворения базовых потребностей (питание, возможность влиять на собственную жизнь, получать необходимую медицинскую помощь и приобретать необходимую одежду).

Наконец хотелось бы обратить внимание, что при анализе таблиц сопряженности с данными по полярным группам и анализе с помощью коэффициентов корреляции Спирмена выявились сходства и определенные различия. Если говорить о сходствах, то три первых места в обоих случаях занимали те, кто оценил: 1) динамику изменений в пенсионном обеспечении в России за последние 10 лет негативно; 2) динамику изменений в уровне жизни населения в стране за этот же период негативно; 3) свое материальное положение как плохое. Те же или практически те же места в этих рейтингах занимали и индикаторы невозможности удовлетворения базовых потребностей (в питании и одежде), самостоятельно изменить что-то к лучшему в своей жизни и ряд других. Хотя желаемые стандарты жизни, которых не удастся достичь болезненно воспринимающим противоречие между богатыми и бедными, достаточно скромны, но у них все же нет ощущения, что нынешнее их положение временное и они сами или с помощью государства смогут что-то изменить к лучшему. Не срабатывает и «туннельный эффект»¹, описанный А. Хиршманом [24]. И напротив – показатель назвавших противоречие между богатыми и бедными в числе наиболее острых минимален (12,1%) среди тех, кто видит улучшения в уровне жизни и пенсионном обеспечении граждан страны в последнее десятилетие.

В то же время в сравнении с анализом с использованием коэффициента корреляции Спирмена часть характеристик называвших противоречие между богатыми и бедными в числе наиболее острых заметно потеряла значимость при анализе по полярным группам, в то время как другие в ней существенно выиграли. В числе первых – самооценки своей жизни в целом, возможностей побывать в разных странах мира, наличие/отсутствие проблем с материальным положением в последний год как серьезных, самооценки своей жилищной ситуации, наличие/отсут-

¹ А. Хиршман утверждает, что, наблюдая за людьми, чья жизнь кажется им похожими на их собственную, и видя, что кто-то из них осуществляет восходящую социальную мобильность, наблюдающие становятся более толерантны к социальным неравенствам, поскольку у них появляется надежда, что и их положение может измениться. В этом отношении ситуация похожа на ощущение автомобилистов в туннеле – если в пробке начинает двигаться соседний ряд, то возникает надежда, что скоро и ты поедешь.

ствие автомобиля¹. То есть на глубине разрывов между полярными группами в меньшей степени сказывались характеристики, связанные со степенью благополучия, а не неблагополучия положения респондентов. Это перекликается с уже установленной отечественными учеными закономерностью, что страты нашего общества сильнее различаются признаками своих возможностей, чем рисков и деприваций [14]. При этом среди характеристик, роль которых при анализе оценок полярных групп заметно выросла – возможности сохранения и наращивания своего человеческого потенциала (доступность качественной медицинской помощи и необходимого образования), а также самореализации в профессии, на что применительно к разным стратам общества также уже обращалось внимание [14]. Кроме того, среди наиболее значимых характеристик называвших противоречие между богатыми и бедными в числе наиболее острых при анализе полярных групп оказалась и принадлежность к низко- и неквалифицированным рабочим, составляющим «костяк» низшей страты [14].

Выводы

Противоречие между богатыми и бедными достаточно болезненно воспринимается россиянами и входит в тройку наиболее острых. В то же время за последние два десятилетия произошел спад его популярности вдвое. Более того – начиная с 2023 г. оно перестало быть для россиян самым острым межгрупповым противоречием как в целом, так и среди противоречий экономического характера, уступив первенство среди последних противоречию между олигархами и остальными членами общества. Одной из возможных причин этого является смещение фокуса внимания массовых слоев населения на противоречия идеологического характера в связи с острой конфронтацией России со странами Запада.

Решающую роль для формирования отношения к богатым играет субъективная реальность, картина мира, существующая в сознании россиян, а не объективно сложившаяся ситуация. Однако последняя может способствовать формированию этой картины посредством определенного личностного жизненного опыта. При этом в основе болезненного восприятия остроты противоречия между богатыми и бедными лежит не зависть к более благополучным согражданам, а недовольство своим положением на фоне понимания невозможности изменить сложившуюся ситуацию в силу семейных обстоятельств или недостаточности знаний и навыков. В целом эту группу факторов можно назвать «Невозможность достижения желаемых стандартов жизни».

Такое восприятие собственной жизненной ситуации сопровождается ощущением несправедливости сложившегося порядка вещей на фоне убежденности в типичности аналогичных ситуаций для российского общества в целом. Не случайно восприятие остроты противоречия между бога-

¹ То же касалось и менее значимых (но все же значимых) для восприятия рассматриваемого противоречия наличия в домохозяйстве таких товаров длительного пользования как посудомоечная машина и кондиционер.

тыми и бедными в современном российском обществе четко коррелирует с восприятием ситуации в социальной сфере (пенсионном обеспечении, уровне жизни населения, ситуации с социальной справедливостью и т. д.). Можно говорить даже о существовании единого мировоззренческого блока, различные элементы которого тесно связаны между собой и вытекают из сопоставления нормативных представлений об оптимальном устройстве общества с повседневной реальностью. Условно этот блок взглядов россиян можно назвать «Запрос на социальную справедливость».

Если суммировать полученные результаты, то ключевые факторы, влияющие на остроту восприятия противоречия между богатыми и бедными в современном российском обществе, связаны, во-первых, с той картиной развития страны, которая существует в сознании граждан. Во-вторых – с теми материальными и нематериальными проблемами, с которыми они сталкиваются в своей реальной жизни, формирующими их социальное самочувствие. При этом есть и «катализаторы», которые усугубляют болезненное переживание ими своей собственной ситуации, ощущение ее несправедливости, влияя тем самым и на болезненность восприятия противоречия между богатыми и бедными. Прежде всего это серьезные проблемы со здоровьем у кого-то из членов семьи, с которыми люди остаются наедине, поскольку не получают необходимой помощи от государства. Принадлежность к низко- и неквалифицированным рабочим, а также низкий среднедушевой доход. Значимым «катализатором», повышающим вероятность наличия значимых для формирования болезненного отношения к противоречию между богатыми и бедными чувств и настроений, является и пожилой возраст, причем наиболее болезненно (32,8% упоминаемости) его воспринимают не самые старшие возрастные когорты, а россияне от 51 до 60 лет, которые еще работают, но чье положение на рынке труда в этом возрасте резко ухудшается.

В целом же анализ динамики и факторов, влияющих на остроту восприятия противоречия между богатыми и бедными, свидетельствует о: 1) возможности влиять на это восприятие мерами государственной социально-экономической политики, о чем говорит динамика восприятия этого противоречия жителями сел и пенсионерами за последние два десятилетия; 2) серьезных проблемах для этой политики, связанных с положением наименее квалифицированной части российских рабочих (конкуренцию которым традиционно составляли мигранты) и особенно, с положением домохозяйств, в составе которых есть люди с серьезными ограничениями трудоспособности, по разным причинам не имеющие возможности получить инвалидность 1 и 2 групп. Улучшение ситуации в этих социальных группах будет способствовать дальнейшей консолидации российского общества и снижению межгрупповой напряженности.

Библиографический список

1. Аникин В. А. Интересы личности, государства и общества в массовом восприятии населения // Российское общество и вызовы времени. Кн. 3 / Под общ. ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2016. С. 313–333.
2. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну / Пер. с нем. В. Седелника и Н. Федоровой. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 381 с.
3. Белопашенцева П. В., Слободенюк Е. Д. и др. Объективная и субъективная бедность в России: что принесли последние 20 лет // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 4. С. 34–59. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3; EDN: XQRQOZ.
4. Гимпельсон В. Е., Монусова В. А. Восприятие неравенства и социальная мобильность // Экономический журнал ВШЭ. 2014. Т. 18, № 2. С. 216–248. EDN: SKFTQB.
5. Дудин И. В. Представления населения страны об основных противоречиях российского социума // Социальное пространство. 2023. Т. 9. № 2. С. 1–17. DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.8; EDN: NGKOMG.
6. Дудин И. В. Отношение населения страны к основным социальным противоречиям российского общества: состояние, динамика, факторы // Социологический журнал. 2024. Т. 30. № 1. С. 25–41. DOI: 10.19181/socjour.2023.30.1.1; EDN: GTQHVY.
7. Дудин И. В. Динамика восприятия социальных противоречий населением России (2005–2021 гг.) // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. № 4. С. 128–146. DOI: 10.18522/2227–8656.2023.4.8; EDN: NJQNHJW.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. под науч. ред. О. И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
9. Корчагина И. И., Прокофьева Л. М. Субъективное восприятие социального неравенства – мнение населения о социальной справедливости // Демографическое обозрение. 2022. Т. 9. № 4. С. 4–21. DOI: 10.17323/demreview.v9i4.16742; EDN: DOBOJS.
10. Мареева С. В. Зоны субъективного благополучия и неблагополучия в российском обществе // Вестник РУДН. Социология. 2018. Т. 18. № 4. С. 695–707. DOI: 10.22363/2313–2272–2018–18–4–695–707; EDN: YNAKER.
11. Мареева С. В., Слободенюк Е. Д., Аникин В. А. Толерантность к социальным неравенствам в эпоху неопределенности в России: важна ли субъективная мобильность? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 1. С. 39–60. EDN: MSBKFFV.
12. Мареева С. В., Тихонова Н. Е. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25. № 2. С. 37–67. EDN: WDEMBH.

13. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под ред. Н. Е. Тихоновой. М.; СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с. DOI: 10.317544469–1419–7.
14. Общество неравных возможностей: социальная структура современной России / Под ред. Н. Е. Тихоновой. М: Весь Мир, 2022. 424 с. DOI: 10.55604/9785777708731; EDN: XJGBFE.
15. Пикетти Т. Капитал в XXI веке / Пер с фр. А. Дунаева. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 592 с.
16. Российское общество и вызовы времени. Кн.7 / Под ред. М. К. Горшкова и Н. Е. Тихоновой. М: Весь Мир, 2024. 352 с. EDN: OYVDFP.
17. Россия – новая социальная реальность. Богатые. Бедные. Средний класс / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Наука, 2004. 259 с. EDN: NGCBZZ.
18. Сушко П. Е. Специфика субъективного благополучия россиян из разных типов поселений // Вестник Института социологии. 2024. Т. 15. № 4. С. 60–81. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.4; EDN: UQWQVD.
19. Тихонова Н. Е. Доходная стратификация в России: кросс-страновой и динамический анализ // Социологический журнал. 2017. № 4. С. 31–50. DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5527; EDN: YLBEJS.
20. Dal Bó E., Dal Bó P. Workers, warriors and criminals: Social conflict in general equilibrium. Working Paper. Providence, RI: Brown University, Department of Economics, 2004. No. 2004-11. P. 1–31.
21. Diener E., Biswas-Diener R. Will Money Increase Subjective Well-Being? // Social Indicators Research, 2002. Vol. 57. P. 119–169. DOI: 10.1023/A:1014411319119.
22. Easterlin R. A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. In Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz, 1974. P. 89–125.
23. Easterlin R. A. How Does Health Affect Happiness? In An Economist's Lessons on Happiness. Springer, 2021. P. 33–39. DOI: 10.1007/978-3-030-61962-6_4.
24. Hirschman A., Rothschild M. The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development. The Quarterly Journal of Economics, 1973. Vol. 87. No. 4. P. 544–566.
25. Novokmet F., Piketty T. et al. From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905-2016 // The Journal of Economic Inequality. 2018. No. 16(1). P. 189–223. DOI: 10.1007/s10888-018-9383-0.

Получено редакцией: 06.01.25

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Дудин Илья Васильевич, аспирант, стажер-исследователь Центра стратификационных исследований Института социальной политики; младший научный сотрудник

DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.12

Perceptions of the Rich-Poor Contradiction by the Russian Population: Dynamics and Factors

Il'ya V. Dudin

HSE University, Moscow, Russia; Institute of Sociology of FCTAS RAS, Moscow, Russia

dudiniv99@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0025-9958

For citation: Dudin I. V. Perceptions of the Rich-Poor Contradiction by the Russian Population: Dynamics and Factors. *Vestnik instituta sotziologii*. 2025. Vol. 16. No. 3. P. 229–252. DOI: 10.19181/vis.2025.16.3.12; EDN: KFPBTB.

Abstract. The conflict between rich and poor has always been one of the most sensitive issues for ordinary Russians, and their attitude toward it have significantly influenced the level of social tension and the degree of social consolidation. Given the significance of this issue amidst the intensification of external challenges facing our country in recent years, the article, using data from representative nationwide studies conducted by the Institute of Sociology of the Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences in 2005, 2015, and 2024, attempts to demonstrate how perceptions of this conflict have changed in recent decades, as well as the specific factors that contribute to its sensitivity in today's Russia. The primary research methods utilised were dynamic and comparative analysis, as well as various versions of correlation analysis. It is shown that the popularity of the conflict between rich and poor has halved over the past two decades, and in 2024, it became the third most frequently mentioned topic. The two main factors that exacerbate his perception and act in an interconnected manner are the impossibility of achieving the desired standards of everyday life and the feeling of injustice of the “rules of the game” established in society, giving rise to a feeling of powerlessness and the inability to independently change anything in one's life. The standards in question are quite modest and relate primarily to nutrition, clothing and certain non-monetary aspects of life (the ability to change something in it, access to medical care, etc.). It is also shown that it is precisely subjective (i.e., related to the perception of the situation in society as a whole and one's place in it in particular), rather than objective characteristics of a person, that are decisive for his perception of the contradiction between rich and poor as one of the most acute, influencing even electoral behaviour. Of the objective factors, the most significant are, in descending order of importance, the presence in the household of chronically ill people with limited working capacity who do not have the status of disabled; belonging to low-skilled and unskilled workers; low per capita income and old age.

Keywords: social contradictions, intergroup conflicts, intergroup contradictions, consolidation of society, social tension, mass consciousness, rich and poor

References

1. Anikin V. A. The Interests of the Person, State, and Society in the Mass Perception of the Population. In *Russian Society and the Challenges of Time. Book Three*. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Ves Mir, 2016: 313–333 (in Russ.).
2. Beck U. World risk society. Transl. from Germ. by V. Sedelnik and N. Fedorova. Moscow, Progress-Traditsiya, 2000: 381 (in Russ.).
3. Belopashentseva P. V., Slobodenyuk E. D. et al. Objective and Subjective Poverty in Russia: What the Last 20 Years Have Brought. *Vestnik instituta sotziologii*, 2024: 15: 4: 34–59 (in Russ.). DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.3; EDN: XQRQOZ.
4. Gimpelson V. E., Monusova G. A. Perception of Inequality and Social Mobility. *Ekonomicheskii zhurnal VSHE*, 2014: 18: 2: 216–248 (in Russ.). EDN: SKFTQB.
5. Dudin I. V. People's Perceptions of the Main Contradictions in Russian Society. *Sotsial'noye prostranstvo*, 2023: 9(2): 1–17 (in Russ.). DOI: 10.15838/sa.2023.2.38.8; EDN: NGKOMG.
6. Dudin I. V. The nation's Attitude towards the Main Social Contradictions in Russian Society: Current State, Dynamics, Factors. *Sotsiologicheskii zhurnal*, 2024: 30: 1: 90–112 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2023.30.1.1; EDN: GTQHVY.
7. Dudin I. V. Dynamics of the perception of social contradictions by the population of Russia (2005–2021). *Gumanitarniy Yuga Rossii*, 2023: 12: 4: 28–146 (in Russ.). DOI: 10.18522/2227-8656.2023.4.8; EDN: NJQHJW.
8. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture. Transl. from Eng. and ed. by O. I. Shkaratan. Moscow, GU VShE, 2000: 608 (in Russ.).

9. Korchagina I., Prokofieva L. Subjective perception of social inequality – the population opinion about social justice. *Demograficheskoye obozreniye*, 2022: 9(4): 4–21 (in Russ.). DOI: 10.17323/demreview.v9i4.16742; EDN: DOBOJS.
10. Mareeva S. V. Subjective well-being and ill-being zones in the Russian society. *Vestnik RUDN. Sotsiologiya*, 2018: 18: 4: 695–707 (in Russ.). DOI: 10.22363/2313–2272–2018–18–4–695–707; EDN: YNAKEP.
11. Mareeva S. V., Slobodenyuk E. D. et al. Public Tolerance for Social Inequalities in Turbulent Russia: Reassessing the Role of Subjective Mobility. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nyye peremeny*, 2022: 1: 39–60 (in Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2022.1.1982; EDN: MSBKfV.
12. Mareeva S. V., Tikhonova N. E. Public Perceptions of Poverty and Social Inequality in Russia. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2016: 25: 2: 37–67 (in Russ.). EDN: WDEMBH.
13. Model of income stratification of Russian society: Dynamics, factors, cross-country comparisons. Ed. by N. E. Tikhonova. Moscow; St. Petersburg, Nestor-Istoriya, 2018: 368 (in Russ.). DOI: 10.317544469–1419–7; EDN: YSPCNF.
14. Society of Unequal Opportunities: Social Structure of Modern Russia. Ed. by N. E. Tikhonova. Moscow, Ves Mir, 2022: 424 (in Russ.). DOI: 10.55604/9785777708731; EDN: XJGBFE.
15. Piketty T. Capital in the twenty-first century. Transl. from Fr. A. Dunaev. Moscow, Ad Marginem Press, 2015: 592 (in Russ.).
16. Russian society and challenges of the time. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Book 7. Moscow, Ves Mir, 2024: 352 (in Russ.). EDN: OYVDFP.
17. Russia – a new social reality. Rich. Poor. The middle class. Ed. by M. K. Gorshkov, N. E. Tikhonova. Moscow, Nauka, 2004: 259 (in Russ.). EDN: NGCBZZ.
18. Sushko P. E. Specificity of Subjective Well-Being of Russians from Different Types of Settlements. *Vestnik instituta sotziologii*, 2024: 15: 4: 60–81. DOI: 10.19181/vis.2024.15.4.4; EDN: UQWQVD.
19. Tikhonova N. E. Income Stratification in Russia: Cross-country and Dynamic Analysis. *Sotsiologicheskiiy zhurnal*, 2017: 4: 31–50 (in Russ.). DOI: 10.19181/socjour.2017.23.4.5527; EDN: YLBEJS.
20. Dal Bó E., Dal Bó P. Workers, warriors and criminals: Social conflict in general equilibrium. Working Paper. Providence, RI: Brown University, Department of Economics, 2004: 2004-11: 1–31.
21. Diener E., Biswas-Diener R. Will Money Increase Subjective Well-Being? *Social Indicators Research*, 2002: 57: 119–169. DOI: 10.1023/A:1014411319119.
22. Easterlin R. A. Does Economic Growth Improve the Human Lot? Some Empirical Evidence. In *Nations and Households in Economic Growth: Essays in Honor of Moses Abramovitz*, 1974: 89–125.
23. Easterlin R. A. How Does Health Affect Happiness? In *An Economist's Lessons on Happiness*. Springer, 2021: 4: 33–39. DOI: 10.1007/978-3-030-61962-6_4.
24. Hirschman A., Rothschild M. The Changing Tolerance for Income Inequality in the Course of Economic Development. *The Quarterly Journal of Economics*, 1973: 87: 4: 544–566.
25. Novokmet F., Piketty T. et al. From Soviets to oligarchs: inequality and property in Russia 1905–2016. *The Journal of Economic Inequality*, 2018: 16(1): 189–223. DOI: 10.1007/s10888-018-9383-0.

The article was submitted on: January 6, 2025

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Il'ya V. Dudin, Postgraduate student, Intern Research at the Center for Stratification Research at the Institute of Social Policy; Junior Researcher